

MEMORIA

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ВОНИФАТЬЕВИЧА КОРОНЫ

Вот уже два года, как ушел Валентин Вонифатьевич Корона. Где и что он теперь – не знаю. Но знаю, что память о нем нужна в первую очередь нам – еще живущим на земле и своей памятью, собственно, и живым.

О филологических работах Корона – а здесь публикуется именно филологическая его статья, написанная на материале доклада и найденная женой Корона, Ольгой Михайловной, в его архиве, – существуют разные отзывы и разные мнения. Часть их мы собрали в сборнике, посвященном его памяти и включающем в себя как воспоминания людей, знавших Корону в отдельные периоды его жизни, так и статьи исследователей из различных городов России и Зарубежья, решивших таким образом почтить его память. Сборник называется «Архетипические структуры художественного сознания» (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002); он является завершающим, третьим, выпуском этого периодического издания, которое мы с Валентином Вонифатьевичем начали собирать в 1998 г.

Мне нередко приходилось слышать высказывания, что филологические изыскания Корона – это де «профанация настоящей науки», такое несерьезное литературоведение, что они ценны главным образом любовью автора к своему предмету – к поэзии Анны Ахматовой, которой и были в основном посвящены, а истинной научной значимостью якобы не обладают. Есть расхожая фраза: время все расставляет на свои места. По-видимому, пока еще не расставило. Да и не расставит, если мы забудем ему напомнить об этом.

В. В. Корона оставил после себя не так уж много научных трудов. Из книг это две монографии по биологии: «Основы структурного анализа в морфологии растений» (Свердловск, 1987) и «Строение и изменчивость листьев растений: Основы модульной теории» – в соавторстве с А. Г. Васильевым (Екатеринбург, 2000) – и монография по литературоведению: «Поэзия Анны Ахматовой. Поэтика автовариаций» (Екатеринбург, 1999). О новаторстве научной деятельности Корона в области морфологии листа говорят и пишут биологи (хотя, возможно, у кого-то из них существует свой взгляд на этот счет – ведь подход Корона и здесь был сугубо нетрадиционным). А. Г. Васильев, например, отмечает, что буквально за последние месяцы жизни В. В. Корона были «сформулированы основы модульной теории формирования листьев растений», что, «используя только что разработанную модель структурогенеза

листа, он в течение нескольких дней открыл принципы формирования структуры листьев крапивы и малины, бегонии и березы, липы и одуванчика и многих других видов» [Васильев, 2002, 30]. Валентин Вонифатьевич был любимым учеником известных ученых – директора Московского института физиологии растений им. А. К. Тимирязева АН СССР А. Т. Мокроносова, который в 1970-е гг. заведовал кафедрой физиологии и биохимии растений биологического факультета УрГУ, и С. В. Мейена – крупнейшего теоретика естествознания, палеонтолога, под влиянием которого в значительной степени и сформировались научные взгляды Короны, его структурно-морфологический метод исследования объектов ботаники, который Валентин Вонифатьевич не то что перенес, но адаптировал к объектам иного рода – к поэтическим мирам и текстам. Мне думается, никакого противоречия здесь нет: ведь то и другое – живые организмы, развивающиеся по законам, имеющим общие основания уже в силу того, что в каких-то исходных протоках и родниках общими являются все законы живого, что и з о м о р ф и з м пронизывает все уровни биологической организации, распространяясь на наш мозг, что, наконец, стихи рождаются на свет подобно цветам и детям – естественно, органично, подчиняясь внутренней целесообразности, которую и пытался разгадать Корона. Безусловно, он был настоящим ученым – тонким, дотошным, в меру занудным, стремящимся понять суть вещей. Он говорил не спеша, разматывая кольца рассуждения как многомудрый змей, а когда он шел по нашему филфаковскому коридору – размеренно и степенно, подняв голову над его (коридора) мирской суетой, мне всегда хотелось забежать вперед и подглядеть, что же такое там – высоко и далеко – видит Корона. Ведь не каждому даны такие фамилия-имя-отчество: они – по человеку.

Корона был грек по линии отца, лица его родственников на фотографиях удивительно красивы: женские лица дышат здоровьем и какой-то южной, роскошной негой, а дядя – родственник не по крови, но по духу, напоминает лицом своим доктора Фауста. О дяде нужно сказать особо. Андрей Петрович Ковалевский был профессором Харьковского университета, историком – арабистом и востоковедом, в его научном багаже – занятия и филологией (от собственно литературы до языкознания), и этнографией, и историографией, и – что вовсе не входило в его послужной список – т. н. парапсихологией и алхимией. «...Собственно лаборатория алхимика – это царство природы и материи», – писал К. Юнг [Юнг, 1994, 367]: недаром же именно дядька настоятельно советовал Валентину связать свой путь с биологией.

А. П. Ковалевский (1895–1969) прожил интересную и трудную жизнь. Он был дважды женат – оба раза на сестрах отца Валентина Вонифатьевича (первая жена умерла очень рано, оставив дочку, Зою; вторая, Валентина, оставалась с ним до конца), побывал в сталинских лагерях, затем был восстановлен в своем социальном и профессиональном статусе, долго и тяжело болел и к концу жизни переживал неполную завершенность того, что сам считал для себя главным. Этим главным были не работы по истории тюрко- или арабо-славянских связей, хотя труд А. П. Ковалевского «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии» (Харьков, 1956), хранящийся в библиотеке семьи В. В. Короны, имеет поистине бесценное значение и сегодня, и будет иметь его, думаю, еще очень долго (сколь долго будет человека интересовать история). Судя по письмам Ковалевского любимому племяннику [см. подборку писем: Архетипические структуры художественного сознания, 8–11], в последние годы жизни он вплотную подошел к разрешению ряда вопросов, которые сам относил к сфере *psyche* (парапсихологии), и впоследствии Валентин Вонифатьевич совместно с двоюродной сестрой Зоей, дочерью А. П. Ковалевского от первого брака, по особой программе выполнял некото-

рые исследования в области телепатии. Интерес к психологии у Короны был всегда, хотя он никогда не показывал его явно, как и свои глубинные познания в тайнах «псюхе». Я думаю, что Корона и в поздние годы сохранял реально-мистические основы мировоззрения, заложенные в нем дядей, – они прекрасно уживались с его вербальным позитивизмом и естественно-научным мышлением. Он умел жить на границе двух миров, хотя нельзя сказать, чтобы этот способ существования был ему в радость. К концу жизни он явно устал от этой вынужденной раздвоенности. Его метод, безусловно оригинальный и поистине глобалистский, в какой-то степени «снял» это раздвоение – хотя бы в сфере чистой мысли, в научных изысканиях, которые для Короны были царством свободы как познанной и беспрестанно познаваемой – не необходимости, но чистой же и разумной воли. Он очень ценил разумность существования и стремился к ней.

Именно цельность и целостность мировидения, способность воспринимать вселенную в ее единстве, в развитии и постоянстве некоторых базовых свойств и законов мира позволили В. В. Короне стать ученым широкого, синтетического профиля. Приведу высказывание Юрия Линника, поэта, философа, мастера сонетной формы, который знал Корону по книгам и посвятил ему венок сонетов под названием «Кардиоида» (так называется кривая, очерчивающая наше сердце и одновременно повторяющая очертания листа): «У меня нет сомнений, что это был человек с чертами гения, устремленного к высшему синтезу знаний. Знакомство с его трудами стало для меня важнейшим интеллектуальным событием последних лет»¹.

Ты вторишь сердцу, дивная кривая!
Дается мне высокий идеал.
Свой замысел предвечный раскрывая,
Тебя Господь однажды начертал.

Ничтожная, пустая, нулевая,
Очнулась бездна! Импульс побегал,
Чудесный абрис миру задавая
Без помощи линеек и лекал.

Автограф Бога – росчерк симметричный:
Ты, кардиоида! Прими признание,
Изыществом твоим я покорен.

Порыв ты умеряешь безграничный,
Оконтурив собою мирозданье.
Внутри тебя – Весы и Орион [Линник, 2002, 1].

Таков первый сонет Ю. Линника, понять синкретичный смысл которого можно и без специального знания биологии, хотя сам поэт утверждал, что венок сонетов родился у него благодаря книгам Короны.

Теперь трудно судить, насколько Корона реализовал себя в науке. «А все еще только начиналось...» – говорил он незадолго до кончины, узнав о своем диагнозе. Он был талантливейшим ученым-биологом, разрабатывавшим новую методологию научного исследования, но – как всякий ученый советской поры – он в полной мере испытал на себе вначале идеологический прессинг, затем нищету перестроечных лет.

¹ Высказывание из эссе Линника, посвященного Короне, он прислал его Ольге Михайловне Короне, когда узнал о смерти Валентина Вонифатьевича – спустя почти полтора года после этого события [см.: Линник, 2002].

Об этом не принято говорить, но не сказать об этом – невозможно. Он был ученым, а принужден был становиться многостаночником, заботящимся о своем «ренеме» в среде коллег и студентов, которое – именно в силу его повышенной оригинальности и старомодности – и не могло быть высоким. Его ценили студенты, но – лишь те, кто сам представлял из себя личность. Для этих встреча с Короной стала Встречей; остальные прошли мимо. Практически все «постперестроечное» десятилетие Корона отчаянно боролся за выживание – как и все мы, кто остался в стенах высшей школы, а не ушел в коммерцию, предпочтя слыть Обломовыми, чем быть Штольцами. Странная страна – Россия... Или – странные мы. И стране и нам самим наплевать на наши короткие жизни, которые, увы, не продлишь самым высоким и терпеливым духом.

Оригинальность Короны проявлялась во всем. Он был блестящим исследователем морфологии поэтического текста — как собственно поэтики, так и формы стиха. Основным предметом его внимания была поэзия Анны Ахматовой, хотя в последние годы он писал и о поэме Некрасова, и о песнях Раисы Абельской, и о тонкостях метра и ритма таких поэтов, как В. Маяковский или В. Каменский [см.: Корона, 1998, 156–158; Корона, 2001, 37–41; Корона, 2002, 96–101]. Общим был его способ рассмотрения любого уровня поэтического текста, будь то уровень содержательный – мотивный, образный, или стиховедческий. Ибо он исходил из системы структурных преобразований целого, благодаря которым и открывал организацию этого целого. Одним из любимых высказываний Короны было выражение З. Фрейда: «Науку определяет не предмет, а метод». Этот общий – структурный, или морфологический – метод как раз и объединяет его исследования в области ботаники и филологии. И здесь сразу следует отметить важный момент. «Структурализм мертв», – говорили еще десять лет назад иные из моих коллег, прослушав очередной доклад Валентина Вонифатьевича. Корона, вспоминая эту расхожую фразу, усмехался: «Ну разве может быть мертв метод?..». Структуралистский метод вошел буквально в «плоть и кровь» современной науки – как гуманитарной, так и относящейся к сфере информационных технологий. Быть может, сто́ит прислушаться к тому, как понимал его этот исследователь, сознание которого было настроено на него так, что временами я ловила себя на мысли: а не Гете ли (основатель морфологического метода) «нашептал» Валентину Вонифатьевичу его идеи...

«Структурный метод, — говорит Корона в последней книге, — ориентирован на выявление структуры в специфическом структуралистском понимании этой категории — как совокупности отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях. Понятие структуры характеризует не просто устойчивый “скелет” какого-либо объекта, а совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить второй, третий и т. д. путем перестановки его элементов и с помощью других преобразований» [Корона, Васильев, 2000, 21]. В общем и целом, все более-менее грамотные люди знают, что в структурализме утверждается «примат отношений над элементами в системе». Однако, насколько я смогла понять Корону, новаторство его метода состояло в том, что, исходя из идеи, высказанной в свое время С. В. Мейенем, он объединил морфологию и систематику, линнеевский (по существу описательный) метод «естественной систематики» растений – и морфологический («конструкционный») метод Гете. В основе и того и другого, согласно Короне, лежит структура, но в линнеевской биологии она является «перцептивной (визуально-воспринимаемой)» и объединяет в целое т. н. гештальт-качества [Там же, 12–13]. Морфологический метод, введенный Гете, требует выделения инвариантной структуры объекта как идеальной, мыслимой конструкции. Но, как сообщает Корона со ссылкой на Любищева, можно «различать уровни и степени реальности подобно тому,

как мы различаем краски по цвету и его интенсивности. В этом случае, вместо дихотомического членения на реально существующие и воображаемые объекты, мы получаем все возможные количественные и качественные переходы между ними» [Корона, Васильев, 2000, 30]. Иначе говоря, нет непроходимой границы между тем, что мы «видим», и тем, что мы «мыслим», — и то и другое имеет статус реальности, ибо «единственно доступная нам реальность — это реальность модельного отображения действительности» [Корона, 1999, 15]. А такую модельную единицу, как правило, конструирования модели, в монографии по биологии Корона называет модулем (хотя модульная теория придумана не им, В. В. ссылается на множество предшественников), осуществляя переосмысление традиционного содержания этого термина. «Конструкционный модуль, в нашем понимании, — это общее наименование всех структурно-функциональных единиц развивающейся системы на всех уровнях ее организации. Единица именуется модулем независимо от того, получает она самостоятельное морфологическое проявление или нет. Естественную иерархию модулей задает последовательная реализация программы развития» [Корона, Васильев, 2000, 18]. Модуль имеет и визуальный уровень, и чисто «анатомический», т. е. «внутренний», собственно морфологический. Поэтому он может быть уподоблен единице языка, ибо сам язык — это символическая структура, или система отношений, имеющая универсальный для жизни характер. По глубокой мысли Короны, «язык свойственен не только социальному, но и молекулярно-генетическому уровню организации биологических систем» [Там же, 21]. «...Первый естественный язык — генетический код» [Корона, 1999, 16], отсюда и идет упомянутая выше идея изоморфизма всех уровней «биологической организации», включая социальный и молекулярно-генетический. Отсюда же — равноприменимость структурного метода к разным объектам исследования, будь то живой организм листа или стихотворения.

«Система преобразований, — говорил Корона на одной из лекций перед студентами-филологами, на которые я периодически приглашала его, — ключ к пониманию морфологического строения объектов». В представленном далее тексте доклада, самим Коронай переделанного в статью, мы можем увидеть, какие преобразования ученый осуществляет, работая над структурой не поэтического мира (как в книге и статьях о поэзии Ахматовой), а стиха Маяковского. Заметим, что так, как Корона, никто не подходил и не подходит к анализу стиховедческих проблем, его подход остается по сию пору уникальным. Стиховедение для него вполне стыковалось с работой мозга и сознания, как наличие ритма и его нарушения соотносились с работой естественных биологических систем. Он стремился дать общую модель формального анализа метрических форм стиха, рассматривая метр как единицу измерения, могущую быть выраженной количественно, и называл свою модель *п о з и ц и о н н о й*. Это предполагало «отказ от аксиомы записи метрической схемы» и выход к «ритмической строке» (основной ритмической единице стиха), отличной от авторской, а затем — к строке интонационной, запись которой, собственно, и давала позиционную модель «как пространственное отображение ритма стиха». «Итак, интонационный метр — это половина полной стиховой строки, а традиционно рассматриваемая стиховая строка как основная ритмическая единица — это половина интонационной», — пишет Корона в статье о Маяковском. Благодаря восстановлению позиционных схем стихов Маяковского или Ахматовой (а также Василия Каменского) ученый приходит к принципиально новым выводам относительно стихотворной ритмики и метрики поэтов. Так, в докладе «Позиционная модель русской метрики» (сделанном на филфаке 18 ноября 1997 г.) на основе показанной буквально «в лицах» системы преобразований Корона приходит к выводу, что ведущий стихотворный размер Ах-

матовой – не дактиль, как представлялось вначале, а амфибрахий, который затем, благодаря редукции первого слога в девятой позиции, «превращается» в дольник. Исходный метр ахматовского стиха – «восьмистопный амфибрахический модуль», – делает вывод Корона, но вывод не конечный, а промежуточный, ибо затем оказывается, что в основе метрики Ахматовой лежит все-таки не амфибрахий (он-то более типичен для Маяковского), а анапест, – но за этими преобразованиями метрики и ходами мысли Короны мне тогда уследить не удалось: в моем конспекте значатся лишь выводы. Поэтический текст Валентин Вонифатьевич рассматривал как «лабораторию новых слов» – слов «виртуальных, но остающихся в пределах произведения». Именно реконструкция позиционной схемы стиха позволяла ему видеть эти слова, просматривать «генезис» стихотворения – историю его развития, включая неисполнившиеся и промежуточные варианты. Я думаю, Корона практически сформулировал принципы новой системы стиховедения, но вот описать их на бумаге «от начала до конца» не успел. Поэтому мы предлагаем читателю радоваться тому, что осталось, и читать статью Короны внимательно и терпеливо – как стал бы делать это он сам.

Васильев Е. Г. Междисциплинарный феномен В. В. Короны // Архетипические структуры художественного сознания. Вып. 3. Екатеринбург, 2002.

Корона В. В. Проблема формы «Железобетонных поэм» Василия Каменского // Дергачевские чтения – 98: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Матер. межд. науч. конф. Екатеринбург, 1998.

Корона В. В. Поэзия Анны Ахматовой: Поэтика автовариаций. Екатеринбург, 1999.

Корона В. В. Мороз, Красный нос и его жена Дарья // Архетипические структуры художественного сознания: Сборник статей. Вып. 2. Екатеринбург, 2001.

Корона В. В. Визитка ведьмы // Архетипические структуры художественного сознания. Вып. 3. Екатеринбург, 2002.

Корона В. В., Васильев А. Г. Строение и изменчивость листьев растений: Основы модульной теории. Екатеринбург, 2000.

Линник Ю. Единорог: Книга стихов. Петрозаводск, 2002.

Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.

Е. К. Созина